

Франсуа Вийон

(1431 – 1463)

Матёрый вор. Знал всё в искусстве бокса.
Тонул не раз – и выходил сухим.
В толпе бродяг – преставится глухим
к раскатам грома... О себе не пёкся.

Но был любитель строить парадоксы,
в строфе – блистать наездником лихим,
а пробиваясь молнией в стихи,
нередко плакал над цветущим флоксом.

Родной Париж верёвкою грозил
ему (убийце, мракобесу сил),
живущему в ужасной круговерти.

В ней неделимы правда, совесть, ложь.
Однако средь преступных мерзких рож
уже не первым значился у смерти.

Шарль Бодлер

(1821 – 1867)

1.

Из чаши жизни яд познания пил,
смакуя скорбь, полночные терзанья.
Наперекор фатальному лобзанию
своей судьбы – он Сабатье любил.

Строкой волшебной вечность подкупил,
легко живётся кошке в подсознание,
и матери жестокой подаянье
в абсенте терпком медленно топил.

Где старый колокол в себе таит
огонь комет, пылающий Аид,
блик солнца от египетских пилонов,

там альбатрос, как некая мечта,
под грохот волн матросов гнусных чтя,
цветами зла морит морское лоно.

2.

Раздвиньте занавес – и вам открыта
страница тайны гибнущих страстей,
пропитых рож, обглоданных костей,
довольных морд у сального корыта.
Вуаль синюшная дождём промыта.
Актёрам брошен ворох новостей.
И ждут как будто бы из-за кулис гостей
две птицы странных, заревом облитых.

Рука поэта тянется к шнуру,
чтобы открыть на полотне картины...
Уже сильны волнения сатина,

но держит крепко действие шуруп
сюжетом, круто ввёрнутым в мечту, –
оставить залу смрад и красоту.

Когда на камне векового замка
падёт струя небесного огня,
взнуздает рыцарь свежего коня
и лай затеять выдумает шавка,

когда увянет на балу фиалка,
печалью ей уж некого пронять
и лиц пергаментных в тоску вгонять,
им лучше ртом беззубым вяло шамкать,

тогда перо, испытанное чудно,
возьмёт его и унесёт от будней
к Эдгару По, кудеснику ночей!

Пусть о душе, взлелеянной Парижем,
о бренности земной – что сердцу ближе? –
задумается старый книгочей.

Николай Гумилёв

(1886 – 1921)

Рассветы дальние, чужие
терзают душу летнею порой –
война опять нахлынула горой:
гроза и ливень, вороны кружили...

Как лавой шли, как родине служили!
Свист пуль казался дьявольской игрой,
и разносили пехотинцев строй
кавалеристов огненные силы.

Но близок час неистовой трубе.
И ввалится грядущее к тебе
кровавым годом, тяжким звездопадом.

И где-то над задымленной Двиной
откроет жизни новой, неземной,
ворота рая! Иль дорогу к аду?

Владислав Ходасевич

(1886 – 1939)

Когда растянет слякотью дороги,
отяжелеет влагою песок,
перечеркнёт он лист наискосок
и загрузит, измотанный тревогой.

В колючем слоге — где же вы, эклоги? —
таится голос — правдою высок.
Литературы нищенский кусок
ему пайковой слаще был подмоги.

Напоен воздух южным ароматом,
строкой державной, лестью наркомата,
но неподкупна пишущая сталь.

За двадцать лет труда и унижений,
за годы мук, ошибок, поражений
чужой не стала мартовская таль.